

ТЭФФИ

Ведьма

Надежда Тэффи Факир

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172758*

Ведьма: Эксмо; М.: 2007

ISBN 5-699-20104-4

Надежда Тэффи

Факир

* * *

Великие события начинаются обыкновенно очень просто, так же просто, как и самые заурядные. Так, например, выстрел из пистолета Камилла Демулена начал Великую французскую революцию, а сколько раз пистолетный выстрел рождал только протокол полицейского надзирателя!

То событие, о котором я хочу рассказать, началось тоже очень просто, а великое оно или пустячное, предоставляю догадаться вам самим.

Ровно в пять часов утра на пустынную улицу маленького, но тем не менее губернского города вышел грязный парень, держа под мышкой кипу больших желтых листов.

Парень подошел к подъезду местного театра, поплевал, помазал и приклепнул к дверям один из желтых листов. Сделал то же и на соседнем заборе.

Трудно только начало, а там пойдет. На каждом углу парень поплевывал и наклеивал свои листы.

Часов с восьми утра к нему присоединились местные мальчишки, и парень продолжал свою работу, сопровождаемый советующей, ободряющей, ругающей и дерущейся тол-

пой.

К вечеру дело было окончено, и, несмотря на то, что городские пьяницы ободрали все углы на сигарки, а мальчишки исправили текст собственными, необходимыми, по их мнению, примечаниями, население города узнало все, что объявлялось на больших желтых листах.

«В четверг сего 20-го июня в городском театре состоится необычайное представление проездного Факира. Прокалывание языка, поражающее техникой, жены мисс Джильды, колотье булавками рук и ног в кровь, разрезывание поперек собственного живота и выворачивание глаза из орбит в присутствии науки в лице докторов и желающих из публики.

Разрешено полицией без испытания боли. Цена местам обыкновенная».

Публика заволновалась. В особенности интриговали ее слова: «разрезывание поперек собственного живота». Кого он будет резать? Или сам себе резать живот поперек. И что значит «разрешено полицией без испытания боли»? То ли, что полиция разрешила, если не будет факиру больно, или просто выдала ему разрешение, не отколотив предварительно в участке?

Билеты раскупались.

Молодой купец Мясорыбов, человек непьющий, образованный и даже любивший прихвастнуть, будто «читал Баранцевича в оригинале», отнесся к ожидаемому спектаклю совсем по-столичному. Взял для себя ложу и решил сидеть

один. Купил коробку конфет и надел на указательный палец новое кольцо с бирюзой.

Кольцо это Мясорыбов носил редко, потому что сомневался в его истинности. Да и как ни поверни – все лучше ему в комод лежать: коли камень настоящий – носить жалко, а коли поддельный – совестно. Один армянин советовал, как узнать наверняка: «Окуни, – говорит, – ты его в прованское масло. Если бирюза настоящая – сейчас же испортится, и ни к черту! А поддельной хоть бы что». Но совет этот Мясорыбов берег на крайний случай.

В четверг к восьми часам вечера театр был почти полон.

Многие собрались рано, часов с шести, и ворчали, что долго не начинают.

– Видит ведь, что публика уж пришла, ну и начинай!

Мясорыбов пришел по-аристократически, только за полчаса до начала, сел в своей ложе в полуоборот и тотчас же начал есть конфеты. Каждый раз, когда подносил руку ко рту, публика могла любоваться загадочной бирюзой.

Занавес все время был поднят. Посреди сцены стоял небольшой стол, на нем длинная шкатулка. Вокруг стола, в некотором отдалении, – дюжина венских стульев, и, что заинтересовало публику сильнее всего, в углу за пианино сидел местный тапер, пан Врушкевич, и потирал руки, явно показывая, что скоро заиграет.

Наконец вышел факир.

Он был худой и желтый, в длинном зеленом халате, и вел

за руку некрасивую, безбровую женщину в зеленом платье, от одного куска с его халатом.

Подошел к рампе, раскланялся и сказал:

– Прошу господ врачей и несколько человек из публики пожаловать сюда.

Галерка вслух удивилась, что он говорит по-русски, а не по-факирски.

На сцену по перекинутой дощечке сконфуженно поднялись два врача: хохлатый земский и лысый вольнопрактикующий. Публика сначала стеснялась, потом полезла всем партером. Факир отобрал восемь человек посolidнее и рассадил всех на места. Затем сбросил халат и оказался в коротких велосипедных штанах и туфлях на босу ногу. В этом новом виде он подошел к рампе и снова раскланялся, точно боялся, что без халата не приняли бы его за кого другого.

Галерка зааплодировала.

Тогда он повернулся к таперу.

– Попрошу музыку начинать!

Пан Врушкевич колыхнулся всем станом и ударил по клавишам. Уши слушателей сладостно защекотал давно знакомый вальс «Я обожаю».

Факир открыл свою шкатулку, вытащил длинную шпильку, вроде тех, которыми дамы прикалывают шляпки, и подошел к жене.

– Мисс Джильда! Попрошу сюда вашего языка.

Мисс Джильда сейчас же обернулась к нему и любезно

вытянула язык.

– Раз, два и три! – воскликнул факир и проткнул ей язык шпилькой.

– Попрошу свидетельства науки! – сказал факир, обращаясь к врачам.

Те подошли, посмотрели, причем земский, как более добросовестный, даже присел, подглядывая под язык Джильды с изнанки. Затем оба смущенно сели на свои места.

Факир взял жену за руку и повел по дощечке к публике. Там она стала проходить по всем рядам.

Зрители, мимо которых она проходила, отворачивались, и видно было, что многих тошнит.

Мясорыбов прикрыл глаза рукой.

– Довольно уж! Довольно! – стонал он.

– Довольно! – подхватили и другие.

Но факир был человек добросовестный и поволок свою жену с языком на галерку.

Там какая-то баба вдруг запричитала, и ее стали выводить.

Обойдя всех, факир вернулся на сцену и вытащил шпильку.

Все вздохнули с облегчением.

Факир достал из шкатулки другую шпильку, подлиннее и потолще.

Увидя это, пан Врушкевич переменял тон и заиграл «Смотря на луч пурпурного заката».

Факир подошел к рампе и проткнул себе обе щеки, так, что головка шпильки торчала под правой скулой, а острие из-под левой. В таком виде, показавшись сконфуженным докторам, он снова двинулся в публику.

– Ой, довольно! Ой, да полно же! – вопил Мясорыбов и от тошноты даже выплюнул конфетку изо рта.

– О, господи! – роптала публика. – Да нельзя же так! – Но честный факир честно ходил между рядами и поворачивался то правой, то левой щекой.

– Ой, не надо! – корчилась публика. – Верим-верим. Не надо к нам подходить! И так верим!

Какой-то чиновник, подхватив под руку свою даму, быстро побежал к выходу. За ним следом сорвались с места две барышни. За ними заковыляла старуха, уводя двух ревущих во все горло девчонок; по дороге старуха наткнулась на факира, свершавшего свои рейсы как раз в этом ряду, шарахнулась в сторону, толкнула какую-то и без того насмерть перепуганную даму. Обе завизжали и, подталкивая друг друга, бросились к выходу.

Но больше всех веселился Мясорыбов.

Он сидел в своей ложе, повернувшись спиной к залу, и даже заткнул уши. Изредка осторожно оборачивался, смотрел, где факир, и, увидя его, весь содрогался и прятался снова.

– Довольно! Ох, довольно! – стонал он. – Нельзя же так!

А пан Врушкевич заливался: «Стояли мы на берегу Невы!»

Но вот факир снова на сцене. Все обернулись, ждут, надеются.

Из дверей выглянули бледные лица малодушных, сбежавших раньше времени.

Факир вынул три новые шпильки. Одной он проткнул себе язык, не вынимая той, которая торчала из щеки, две другие всадил себе в руки повыше локтя, причем из правой вдруг брызнула кровь.

– Настоящая кровь, – твердо и радостно определил земский хохлач.

«Гайда, тройка! – раскатился пан Врушкевич. – Снег пушистый!»

Кого-то под руки поволокли к выходу.

Полицейский, зажав рот обеими руками, деловым шагом вышел из зала.

Зал пустел.

Мясорыбов уже не оборачивался. Он весь скорчился, закрыл глаза, заткнул уши и не шевелился.

– Уйти бы! – томился он, но какая-то цепкая ночная жуть сковала ему ноги, и он не мог пошевелиться. Зато волосы на его голове шевелились сами собой.

Когда факир обошел стонущие ряды своих зрителей, умолявших его вернуться на место и перестать, Мясорыбов инстинктивно обернулся и увидел, как факир, вытащив из себя все шпильки, радостно воскликнул:

– Ну-с, а теперь приступим к выворачиванию глаза из его

орбиты и затем между глазом и его вместилищем просунем вот эту палочку.

Он подошел к шкатулке, но уже никто не стал дожидаться, пока он достанет палочку. Все с криком, давя и толкая друг друга, кинулись к выходу. Иные, быстро одевшись, бросились сломя голову на улицу, другие опомнились и стали любопытствовать:

– Что-то он там теперь? А? Может быть, уже вывернул, тогда можно, пожалуй, и вернуться. А?

Какой-то долговязый гимназист приоткрыл дверь и взглянул в щелочку.

«Поцелуем дай забвенья!» – нежно пламенел пан Врушкевич.

– Ну, что? Вывернул?

– Постойте, не давите мне спину, – важничал гимназист. – Нет, еще выворачивает.

– О, господи! Ой, да закройте вы двери-то! – закорчились любопытствующие, но через минуту раззадоривались снова.

– Ну, а как теперь? Да вы взгляните, чего же вы боитесь, экой какой! Выворачивает? Ой, да крикните ему, что довольно, господи!

– Иди, брат Мясорыбов, домой, – сказал сам себе Мясорыбов. – Не тебе, брат Мясорыбов, по театрам ходить. С суконным рылом в калашный ряд. По театрам ходят люди понимающие и с культурной природой. А ежели тебе, брат Мясорыбов, скучно, так на то и водка есть!

Мясорыбов спился.